

М. Б. Ворошилова, А. Г. Дроздецкая
Екатеринбург, Россия

ОБРАЗ РУССКОГО В СОЗНАНИИ ПОЛЬСКОГО ЧЕЛОВЕКА¹

АННОТАЦИЯ. Многие стереотипы о русских в сознании поляков, которые создавались в течение длительного времени на основе различных исторических событий, культурного взаимодействия и в дальнейшем закреплялись в анекдотах, художественных прозаических и поэтических произведениях известных авторов, в данный момент утратили свою актуальность в среде польской молодежи. Доказательством данного тезиса можно считать результаты проведенной методики семантического дифференциала, которая выявила лишь некоторые отрицательные стереотипы, например, «русский — пьяница» и «невольный русский».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальные стереотипы, русские, образ русских, этнолингвистика, лингвокультурология, семантический дифференциал, межнациональное общение, национальное сознание.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: shinkari@mail.ru.

Дроздецкая Анастасия Георгиевна, студентка Уральского государственного педагогического университета.

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.

E-mail: nastia.drozdetskaya@yandex.ru.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-04-14113/16).

IMAGE OF A RUSSIAN IN THE CONSCIOUSNESS OF A POLE

ABSTRACT. *Many stereotypes about Russians in the consciousness of the Poles created over a long period of time on the basis of various historical events and cultural interaction and then fixed in jokes and prosaic and poetic literary works of famous authors, at present have lost their urgency among young Polish people. This assumption is supported by the results of the undertaken procedure of semantic differential which has revealed only some negative stereotypes, for example, «Russian-drunkard» and «involuntary Russian».*

KEYWORDS: *national stereotype, the Russians, image of the Russians, ethno-linguistics, linguo-culturology, semantic differential, international communication, national consciousness.*

ABOUT THE AUTHOR: *Voroshilova Mariya Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language,, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.*

Drozdetskaya Anastasiya Georgievna, Student, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

В современном мире важную роль играют устойчивые представления народов друг о друге. Отсюда появляется необходимость в изучении путей формирования и воздействия национально-культурных представлений в процессе общения представителей разных культур и дальнейшее их закрепление в сознании.

Усвоение человеком стереотипов происходит различными путями. Они усваиваются в процессе социализации и инкультурации. Также стереотипы формируются в процессе общения с теми людьми, с которыми чаще всего приходится сталкиваться — родители, друзья, сверстники, учителя и т.д. Большую роль играют и личные контакты. Особое место в образовании стереотипов занимают средства массовой информации.

Как известно, те или иные этнические стереотипы находят свое отражение в народном творчестве того или иного народа.

Большую роль для укрепления в сознании нации стереотипов о другом народе играет фольклор, а также литература. Не являются исключением и русско-польские отношения. Польское народное творчество, поэзия и проза хранят в себе устойчивые представления о русском народе, накапливающиеся в течение всей истории взаимодействия наших народов. Подобные стереотипы фигурируют в польских пословицах, поговорках, анекдотах, стихотворениях и пр. Именно благодаря им, из поколения в поколение передается сложившийся исторически образ русского, и, тем самым, тот или иной стереотип прочно укрепляется в сознании польских людей.

Такую характеристику межнационального общения между поляками и русскими дает Казимеж Брандыс в своих «Месяцах». Он признаёт, что «поляки не умеют думать о русских. Русские не умеют думать о поляках», вместо мышления доминируют «у обеих сторон [...] рефлексы и взаимонаправленные психологические комплексы». Именно поэтому многие высказывания одной нации о другой до сих пор обусловлены событиями тяжёлого исторического опыта, предрассудками и фобиями. Как пишет Тадеуш Сухарский в статье «Россия вторгается в польские стихи»: «Мы не в состоянии даже писать друг о друге строгим научным языком *sine ira et studio* — «без гнева и пристрастия» [Сухарский: URL].

Красноречиво представлен образ русского во многих польских анекдотах. Как правило, образ России и русской нации дается с отрицательной стороны, герой анекдота является носителем не самых лучших характеристик, таких, например, как русский-неудачник, русский-враг, агрессор, русский-глупец, русский-захватчик и т.д.

Так, характеристику русского-глупца, русского-неудачника ярко демонстрирует следующий польский анекдот:

Поляк, немец и русский участвуют в конкурсе по забиванию гвоздей головой. Немец начинает первым: первый удар, второй, третий — гвоздь забит. Поляк бьет раз, два — гвоздь забит. Наконец приступает русский: один удар — гвоздь забит. Объявляют результаты. Немец занял второе место, поляк — первое, русский дисквалифицирован, потому что забил гвоздь не тем концом.

В данном случае в собирательном образе русского высмеивается интеллектуальная составляющая русской нации, неумение мыслить логически и выполнять определенные действия даже по образцу (ведь до русского в анекдоте аналогичные действия по забиванию гвоздя проделали и немец, и поляк). Во мно-

гих странах есть анекдоты с участием лиц разной национальности. В Великобритании, например, можно услышать шутку об англичанине, ирландце и шотландце, в США — об американце, канадце и мексиканце. Большое количество анекдотов про русских насчитывает польская культура. Чаще это будет история о поляке, немце и русском-неудачнике. Сюжеты могут повторяться в разных странах, а герои меняться местами: обычно в выгодном свете представляют человека той же нации, к которой относится рассказчик, как это и происходит в приведенном примере.

Многие анекдоты о русских имеют историческую основу. Например:

1. Россияне подарили полякам миллион бутылок шампанского на встречу 1982 года. Уговор был один: каждая бутылка подавалась официантом в военном мундире.

2. Выборы в 50-х годах. На стене висит портрет Сталина. Приходит старая бабка.

– О! Пилсудский!

– Это не Пилсудский, товарищ, а Иосиф Виссарионович

Сталин.

– А что такого сделал этот Сталин?

– Он выгнал немцев из Польши.

– Вот это хорошо. Даст бог, он выгонит и русских.

Первый анекдот связан с периодом кризиса в Польше в 1982 году, ростом цен, введением военного положения и арестом лидеров «Солидарности» (социалистической профсоюзной организации, не зависимой от государства). В данном историческом контексте достаточно остро воспринималось все, что было связано с социализмом, в особенности сложно складывались отношения с СССР. В этот период господствовал стереотип русского-врага, русского-поработителя, притеснителя, способного добиваться своего только насильственными методами в любых, даже мирных бытовых ситуациях («официант в военном мундире»).

О наличии данного стереотипа в сознании поляков свидетельствует и второй анекдот. Он затрагивает события 1951 г. Тогда состоялся обмен участками территорий между Польшей и СССР (УССР). Население передаваемых территорий перед этим было отселено вглубь соответствующих государств.

Уничтожение евреев, послевоенное выселение немцев из присоединённых к Польше немецких земель, а также установление новых границ с СССР и обмен с ним населением сделали Польшу практически моноэтничным государством.

В этом анекдоте раскрывается отрицательное отношение к русским со стороны поляков, во многом обоснованное сложными историческими событиями: военные конфликты, разделы польской территории, Катынский расстрел и т.д. Все эти события сформировали в сознании польской нации образ русского-врага, притеснителя, от которого хотелось избавиться, изгнать из своей территории на протяжении долгого времени. Об этом говорит и следующий польский анекдот:

Француз, русский и поляк плывут на плоту. Француз пьет вино и — не допив до конца — выливает остатки в реку. Русский ему и говорит:

— Что ты наделал?! Зачем вылил вино, оно ведь такое дорогое?!

— У нас его полно — отвечает надменно француз.

Спустя некоторое время поляк сталкивает русского с плота, на что француз удивленно:

— Зачем ты толкнул нашего товарища?

— А у нас их полно — отвечает поляк.

Неоценимый вклад в закрепление в сознании народа того или иного стереотипа о другом народе вносит литература, в частности поэзия. Исходя из истории отношений Польши и России — что касается как мирных периодов сосуществования наших стран, так и различных конфликтных ситуаций — русская тема не могла не отразиться в творчестве польских поэтов.

Так, в стихотворении Збигнева Херберта «17 сентября», опубликованном в сборнике «Донесение из осаждённого Города» 1983 г., можно прочесть следующие строки:

*Мой край беззащитный тебя, оккупант, с честью примет,
И сажень земли даст под вербой тебе — и покой,
Чтоб те, кто придут после нас, затвердили урок
Прощенья — искусства, должно быть, сложнейшего в мире.*

Хотя имя «агрессора» здесь не называется, но оно ясно подразумевается в названии стиха. 17 сентября 1939 года, когда польская армия пыталась сдержать нацистов на западе, Иосиф Сталин решил восстановить историческую справедливость и забрать у Польши территорию, которую считал своей.

В приведенном отрывке содержится обыденное польское представление о русских-оккупантах, врагах, захватчиках. В противовес русским прославляются сила любви и прощения, духовная победа польской нации.

Часто затрагивал тему России известный польский поэт

Адам Мицкевич. В своей знаменитой поэме «Дзяды» в главе «Дорога в Россию» А. Мицкевич так пишет о России и русских:

*Чужая, глухая, нагая страна
Бела, как пустая страница, она. <...>
Как зверь, как природа полных краев,
Тут каждый и свеж, и силен, и здоров.
И только их лица подобны донине
Земле их — пустынной и дикой равнине.*

В данном отрывке раскрывается стереотип о России, как о далекой, чужой стране, вселяющей некий ужас и трепет. Русский народ предстает здесь «как зверь, как природа полных краев». Он крепок, но примитивен и пронизан апатией ко всему, что его окружает. Подобный стереотип начал возникать в XVI в., во время начала первых войн, соперничества Польши и Московского государства. В этот период русские воспринимались поляками, как жители огромной территории, дикой, чужой страны с холодным климатом, который во много способствовал формированию сурового характера русских. Сама культура русской нации считалась более низкой по отношению к культуре Польши.

Подобный стереотип можно наблюдать в поэме «Владислав IV» Самуэля Твардовского:

*Есть на Севере народ огромный, живущий просторно,
Его не ограничивает, кажется,
Даже ледовитое море, там утренние зори
Поздно восходят, а дальше земли безлюдные.
Посмотришь на его лицо: непривлекательное и грубое.
Старый это, однако, народ, который больше известен
Своей жестокостью, чем другие народы, и живет на
своей земле*

Испокон века, и имеет сильную армию.

В данном примере к стереотипу русского-чужака прибавляется еще образ жестокого русского, решающего многие вопросы при помощи силы («...известен своей жестокостью, ... имеет сильную армию»).

Еще одно существенное различие между польской и русской культурой связано с религией. Стереотип русского-иноверца нашел отражение в польской литературе. Так, Ян Кохановский в «Ерпісіоне или Песне победной» (1583 г.) вспоминает об общих славянских корнях поляков и московитов, но подчёркивает при этом, однако, разницу вероисповедания, которая зачастую служит причиной их взаимных столкновений:

*Москва и Польша из единой колыбели,
И мы славяне, и они славяне,
Но разница в религии нас делит,
Что братьев перессорить в состоянии.*

В сочинении «О Пазифилии» (1554 г.) Кохановский отмечает ещё одну важную причину недоразумений между поляками и русскими — это столкновение политических интересов, борьба с московским государством за удержание господства над землями Малой Руси.

*Много битв было жестоких меж теми народами,
Спорам о власти над русской землёй нет числа,
Мира меж ними нет только доньше, покоя,
Древняя ненависть новой обидой возросла.*

Кохановский пишет о многочисленных польско-московских конфликтах, которые продолжались на протяжении многих лет и постоянно обновлялись новыми и новыми столкновениями («Древняя ненависть новой обидой возросла»).

Если Ян Кохановский признавал идею общего происхождения русских и поляков, то, например, Райнольд Суходольский в «Полонезе», популярном во время ноябрьского восстания 1830 г., писал:

*Кто сказал, что москали —
Это братья нам, лехитам,
Первым в лоб тому пальну я
Пред костелом Кармелитов.*

В приведенном отрывке ярко представлено отрицательное отношение к русской нации, которое заключается в отрицании родства, пренебрежительном отношении к русским («москали») и стереотипном представлении о русских-врагах.

Также в течение длительного времени поляки были убеждены в том, что русский прирожден терпеть несвободу и притеснения со стороны властей. Данный стереотип ярко показан во многих произведениях: в «Записках о московской войне» Рейнгольда Гейденштейна, в «Походе на Москву» и XIII Песне из «Вторых Книг» Яна Кохановского, в которой автор противопоставляет человечному и дружелюбному по отношению к своим подданным польскому королю Ивана Грозного — надменного «тирана северного края».

Итак, русские были чужими для поляков. Их оценивали как народ, отличавшийся рабской покорностью, более низкой культурой, чуждой религией. Но все же в польской культуре встречались произведения, в которых полностью отсутствовали и ненависть, и

страх. Об этом говорят многие литературные памятники XVII в.: от мемуаров Станислава Жулкевского «Начало и развитие московской войны» до «Воспоминаний» Яна Хризостома Пасека. В числе их персонажей немало русских, но отношение к ним партнерское, снисходительное, еще лишенное какой-либо обиды. Ярче всего его раскрывает первая энциклопедия, появившаяся в эпоху королей саксонской династии, — «Новые Афины или полная Академия всяческих наук...» ксендза Бенедикта Хмелевского. Такая характеристика русских приводится во второй части: «Слова своего не держат, к пьянству склонны, карающих благодарят, мести не замышляют. Простой это был недавно народ, теперь же, при Петре I Алексеевиче, большой приобрел глянец — царь в молодом возрасте с интересом посетил Австрию, Саксонию, Пруссию, Голландию, Англию, Францию, привез оттуда в свое государство людей благовоспитанных, с их помощью московских грубиянов просветил, открыл политические школы, семинарии для просвещения шляхты в грамоте и политике, основал новые города, крепости, торговые заведения <...>. Пуще всего такой навел среди своих подданных строгий порядок битьем батогами, кнутом, отсечением голов <...>. Императорский и всякого начальства приказ они почитают словно глас Божий, выполняют, словно их в пекле пытками подгоняют» [Мачеевский 2000: 2]. Из приведенного отрывка можно выделить еще один стереотип — «русский-пьяница».

Для того, чтобы проверить наличие этих стереотипов в сознании современной польской молодежи была проведена методика семантического дифференциала по следующим шкалам: плохой — хороший, хитрый — наивный, жадный — щедрый, глупый — умный, чужой — близкий, злой — добрый, грустный — веселый, лживый — честный, враг — друг, вспыльчивый — уравновешенный, грубый — нежный, бедный — богатый, нерасторопный — ловкий, высокомерный — скромный, трусливый — смелый, предатель — патриот, свободный — невольный, покорный — бунтарь, терпеливый — сопротивляющийся, сильный — слабый, рассудительный — безрассудный, пьяный — трезвый.

В эксперименте приняли участие 82 представителя польской молодежи в возрасте от 17 до 26 лет.

Результаты анализа: по шкалам «плохой — хороший», «жадный — щедрый», «злой — добрый», «вспыльчивый — уравновешенный», «высокомерный — скромный», «лживый — честный» был выявлен «ноль» (т.е. «и не такой, и не такой»).

По шкалам «хитрый — наивный», «чужой — близкий»,

«грустный — веселый», «нерасторопный — ловкий», «трусливый — смелый» наиболее часто отмечался балл «1» (т.е. скорее наивный, близкий, веселый, ловкий, смелый).

По шкалам «глупый — умный», «предатель — патриот», «покорный — бунтарь», «терпеливый — сопротивляющийся», «сильный — слабый» наиболее часто отмечался балл «-1» (скорее глупый, предатель, покорный, терпеливый, сильный).

По характеристикам «свободный — невольный», «рассудительный — безрассудный» преобладал ответ «2» (невольный, безрассудный).

По шкалам «грубый — нежный», «бедный — богатый», «пьяный — трезвый» большинство поляков поставило отметку «-2», (т.е. грубый, бедный и пьяный).

Отдельно необходимо сказать о шкале «враг — друг». Одинаковое количество набрали баллы «-1» и «1», т.е. «скорее враг» и «скорее друг». Данный стереотип приобретает нечеткие контуры. Во-первых, нет однозначного ответа: не определено враг, а «скорее враг». А во-вторых, эта характеристика количественно совпала с противоположной оценкой. Это говорит о том, что в сознании польской молодежи произошло переосмысление стереотипа русский-враг в сторону приобретения этим стереотипом светлых тонов. Поэтому сказать, что среди поляков бытует стереотип русский-враг, исходя из результатов методики семантического дифференциала нельзя. Это может быть связано с историей формирования стереотипа о русских: существовало два направления. Приверженцы первого считали всех русских врагами, а сторонники второго предлагали разграничивать власть и простой народ. В этом случае власть — враг, а народ — братья-славяне.

Таким образом, на основе проведенного эксперимента можно выделить следующие стереотипы поляков о русских: «русский-пьяница», «невольный русский». Стереотип «русский-враг» по результатам методики семантического дифференциала не подтвердился.

Итак, по итогам проведенного эксперимента можно сделать следующие выводы: выявленные стереотипы («русский-пьяница» и «невольный русский») безусловно носят отрицательный характер, но большинство других негативных стереотипных представлений о русской нации, выявленных путем анализа анекдотов и литературных произведений («русский-враг», «чужой русский», «плохой русский», «русский-глупец») не закреплены в сознании польской молодежи. Это свидетельствует о некоторых положи-

тельных тенденциях в отношениях между нашими нациями, что в дальнейшем может способствовать более дружественному межнациональному общению Польши и России.

ЛИТЕРАТУРА

Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

Мачеевский Я. Стереотип России и русских в польской литературе и общественном сознании // Поляки и русские в глазах друг друга. — М.: Индрик, 2000. С. 6–22.

Мельникова В. А., Петрухин В. Я. Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. — М.: Наука, 1990. 451 с.

Павловская А. В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации. — М.: Просвещение, 1998. 278 с.

Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание / сост. А. В. Липатов, И. О. Шайтанов. — М.: Индрик, 2000. 240 с.

Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. — М.: Флинта, 2006. 328 с.

Садохин А. П. Межкультурная коммуникация. — М.: Альфа-М, 2006. 281 с.

Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. — М.: Флинта, 2006. 313 с.

Сухарский Т. // Журнал «Самиздат». 2013. — Режим доступа: http://samlib.ru/u/ulxmas_i_m/sucharski1.shtml (дата обращения 16. 10. 2016).

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Наука, 2000. 624 с.

Фалькович С. Восприятие русскими польского национального характера и создание национального стереотипа поляка // Поляки и русские в глазах друг друга. — М.: Индрик, 2000. С. 45–72.